

ших страстей, для того, чтобы, опершись на них, устремиться брызжущим и поющим фонтаном других страстей в другую сферу»²⁴ Героя «Ревнивого мужа» Ивана Андреевича, как известно, привела в Итальянскую оперу житейская страсть — ревность к собственной супруге «Еще никогда не замечали в нем такого *figoge*, такой страсти к музыке < > знали, что Иван Андреевич чрезвычайно любил всхрапнуть часок-другой в Итальянской опере > Теперь же он «злился и горячился, как самовар < > Говорят, что музыка тем и хороша, что можно настроить музыкальные впечатления под лад всякого ощущения Радующийся человек найдет в звуках радость, печальный — печаль, в ушах Ивана Андреевича завывала целая буря» (2, 61—62)

М Л КОВСАН

ОБ ОДНОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «ДЯДЮШКИНОМ СНЕ»

Напомним соответствующее место из «Дядюшкиного сна» «Рассказывали, между прочим, что князь проводил больше половины дня за своим туалетом и, казалось, был весь составлен из каких-то кусочков Никто не знал, когда и где он успел так рассыпаться Он носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку — все, до последнего волоска, накладное и великолепного черного цвета, белился и румянился ежедневно Уверяли, что он как-то расправлял пружинками морщины на своем лице и что эти пружины были, каким-то особенным образом, скрыты в его волосах Уверяли еще, что он носит корсет, потому что лишился где-то ребра, неловко выскочив из окошка, во время одного своего любовного похождения, в Италии Он хромал на левую ногу, утверждали, что эта нога поддельная, а что настоящую сломали ему, при каком-то другом походе, в Париже, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную Впрочем, мало ли чего не расскажут? Но верно было, однако же, то, что правый глаз его был стеклянный, хотя и очень искусно подделанный Зубы тоже были из композиции» (2, 300—301)

Нам представляется, что во время работы над описанием «составленного из кусочков» героя Достоевскому вспомнился один из эпизодов «Ивана Выжигина» Ф Булгарина (Вряд ли можно сомневаться, что еще в юности Достоевский прочел этот роман — он упоминается в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе»)

Во второй главе «Рассказ Арсалан-Султана о пребывании его в России» второй части романа герой вспоминает о своем посещении чиновного господина Фирюлькаина, «дряхлого старичишки», «старого волокиты» Проходя «через уборную Фирюлькаина < > я невольно остановился, чтоб рассмотреть вещи, которых я прежде не видывал

²⁴ Там же

— Что значат эти два стеганные мешочка с подвязками? — спросил я.

— Это икры моего господина, — отвечал лакей.

— А это что за череп?

— Это его волосы.

— А эти кости?

— Это его зубы.

— На что же эти краски на столике, между щетками, пудрою и помадой?

— Это цвет лица моего барина.

— Хорош! — сказал я с насмешкою. — У него нет ни тела, ни души.

— Извините, — отвечал камердинер, — у него три тысячи душ; это важнее, нежели одна своя».

В П В Л А Д И М И Р Ц Е В

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИУ

Беглые фольклорные цитаты

1. «Хозяйка». «... жили двенадцать братьев в темном лесу и как заблудилась в том лесу красная девица» (1, 276). «Сказка» восходит к волшеббно-сказочному сюжету, известному под названием «Мертвая царевна», или «Спящая красавица». См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179. По обычной версии сказки, «братья» являются разбойниками. В том и состоит тайный смысл ответа Катерины своему жильцу, что она каким-то образом причастна к «разбойничьим» ватагам волжской вольницы (ср.: «... говорят про темные леса, про каких-то лихих разбойников <...> про одну красную девицу и про Волгу-матушку» — 1, 280). «Сказка» Катерины — единственное в художественном творчестве Достоевского, вплоть до «Братьев Карамазовых» (Грушенькина сказка про луковку), цельное изложение народного сказочного сюжета, идентичное фольклорным подлинникам. **2. «Ползунков».** Прямым заимствованием из фольклорного быта средних городских сословий является, в ряде случаев, поговорочная фразеология Ползункова. Его реплика (из флирта с Марьей Федосеевной) «ох, болит! что болит? — сердце; по ком?» (2, 12) имеется — причем слово в слово, с этнографической пометой «игра» — в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1955. Т. 2. С. 774) и есть не что иное, как сопроводительная текстовая формула комнатной игры в «фанты» (см.: Игры для всех возрастов. СПб., 1844. Ч. 2. Гл. IX, XIV). Ссылка на игру дана и у Достоевского: «фанты пошли» (2, 12). **3. «Село Степанчиково и его обита-**

¹ Булгарин Ф. Иван Выжигин. СПб., 1830. Ч. 2. С. 37, 41.